

В ТЕАТРЕ ЭСТРАДЫ И МИНИАТЮР

МОСКОВСКИЙ театр эстрады и миниатюр открыл свой третий сезон. Новая программа театра смотрится легко, хорошо, весело. Большинство ее номеров сделано с подлинным художественным вкусом, с мягким и тонким юмором. Общий ансамбль спектакля звучит также довольно стройно. Одним словом, последнюю программу театра можно бы признать превосходной, если бы не один недостаток, на который мы укажем потом.

Новая программа театра открывается веселой и довольно музыкальной опереттой И. П. Ильина «Персидская княжна» (текст Виктора Типота и С. Кантора).

Оперетта несколько длинновата для театра миниатюр, но остроумный сюжет скрадывает ее длинноты. Действие происходит на Волге. Старый суеверный дядя Степа принимает молодого врача Тамару, которая едет в колхоз, за персидскую княжну, брошенную когда-то Степаном Разным в Волгу. В оперетте много смешных, остроумных мест, зрительный зал принимает ее хорошо. Этому в большой степени способствует хорошее исполнение двух центральных ролей артистом Д. Л. Данильским (дядя Степа) и артисткой Н. И. Прохоровой (Тамара).

Музыкальный лубок Виктора Типота «Четыре времени года» также сделан культурно. Исполнение луб-

НОВАЯ ПРОГРАММА

ка Риной Зеленой очень мягкое и приятное. Хорош и ее партнер — С. А. Седой, обладающий неплохими вокальными данными. Жаль только, что в этой программе Рина Зеленая выступает в жанре, несколько сковывающем ее и уж никак не раскрывающем ее богатых актерских данных.

Шутка Л. Ленча «Дохлая душа» переносит двух гоголевских персонажей — даму приятную во всех отношениях и даму просто приятную — в современную обстановку. Замысел, бесспорно, интересный и остроумный. В нем есть сатирическая острота, определенная направленность — то, чего нет в других номерах программы.

Ленч хотел показать трансформацию двух гоголевских персонажей, показать, как выглядят они сегодня. Недаром он очень щедро использует диалог из «Мертвых душ», самую канву диалога, гоголевский текст. Современное причудливо перемешивается с тогдашним.

Так и только так следует, нам кажется, трактовать шутку Ленча. Гоголевские персонажи в этой шуточной сцене должны очень тонко слиться с образами пышущих бытвательниц и сплетниц. Но театр трактует шутку Ленча иначе. Поэтому и не получилось слияния двух образов — современного и гоголевского. Вернее, артистке Домогацкой эта задача в известной степени удается. Миронова же решает свою задачу иначе. Она играет даму **неприятную** во всех отношениях. Это получается неожиданно смешно и может быть даже оправданно. Но гоголевский образ в исполнении Мироновой исчезает уже совершенно. Кроме старомодного халата от дамы приятной во всех отношениях ничего не остается. Миронова играет просто вульгарную сплетницу, играет правда талантливо и ярко, в своей манере, но невольно впадает местами в фарс.

Вторая миниатюра Ленча в этой программе — фантастическая комедия «Чудесный напиток». Она не претендует на большую значительность, но чрезвычайно смешна. Чудесный напиток возвращает ворчливым и хмурым супругам нежное чувство их молодости и заставляет критика, только-что ругавшего драматурга, осыпать его похвалами, а оштрафованного гражданина влюбляться в женщину-милиционера.

Прекрасно поставленная С. Б. Межинским фантастическая комедия Ленча вызывает много смеха в зрительном зале. Обилие смешных положений и остроумно развивающийся сюжет делают этот номер программы одним из лучших.

Превосходно завершает программу комедия «Делец», написанная по мо-

тивам Бекеффи. Совершенно безукоризненно играет Б. В. Вельский. Великолепно передает он все нюансы превращения робкого, приниженного писателя, едва осмеливающегося просить несколько франков за свою книгу, в человека, который начинает понимать, что с капиталистом-издателем, называющимся на его книгах, нужно разговаривать только одним языком — языком требований. Вельский показывает это превращение мастерски, тонко, психологически верно.

Превосходны Анна Редель и Михаил Хрусталева, показывающие яркий и темпераментный танец «Мексика».

Оригинально разрешена проблема конференса во всем спектакле. Конферируют сами актеры, только-что выступавшие перед зрителем. Это связывает каждый номер с последующим и придает всему спектаклю известную цельность. Особенно удачны конференсы Анны Редель и Михаила Хрусталева, изясняющихся со зрительным залом посредством рекламных щитов, и «конференсный романс» Менакера.

Итак все как будто бы благополучно с новой программой театра. Все наполнено ярким юмором. Чего же надо еще? Тем не менее мы должны упрекнуть театр. В новой программе явно мало остроты, актуальности, злости. Некоторые номера выглядят, как пустышка, — пусть смешная, веселая, блестящая живым остроумием, — но все-таки пустышка! Порой, в них нет ничего, кроме сладенького сиропа и не того ленчевского чудесного сиропа, который так волшебюбно меняет человеческие отношения, а дешевого, «моссельпромовского».

Увы, этот сироп никак не властен изменить наши чувства!

Хотелось бы, чтобы молодой, несомненно талантливый театр достигал бы большей значительности создаваемых им спектаклей.

В. ВИКТОРОВ.

Москва. 10 дек. 1940 г.
ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

гор. Москва

10 ДЕКА 1940